

великим князем о всем, прежде Киевским, потом же Володимирским». ¹² Это утверждение, трижды повторенное в своде 1472 г., ¹³ развивается еще подробнее в своде 1479 г., рассматривающем как единое целое весь отрезок русской истории — «от начала, как и земля их стала, и как великии князи учали быть от Рюрика на Кieve и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича». ¹⁴ Таким образом, линия исторического развития государства на Руси представлялась прямой и непрерывной, ¹⁵ что в глазах тогдашних людей свидетельствовало о значительности государства и являлось надежным залогом его будущих успехов.

Русская земля объявлялась — в духе норм феодального государственного права — «вотчиной» великого князя, и присоединение Новгорода рассматривалось как возвращение в состав «вотчины» одной из ее составных частей: великий князь «отчину свою Великий Новгород привел на всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве». ¹⁶

По мнению Я. С. Лурье, в подобной трактовке присоединения Новгорода «сказался консерватизм официальной московской идеологии», поскольку это присоединение «нигде не трактуется в великокняжеских сводах как принципиально новый шаг в московской политике». ¹⁷ Пожалуй, говорить о «консерватизме» в данном случае вряд ли уместно: скорее следует сказать об умелом и понятном для современников идеологическом обосновании важного политического шага. На этом примере особенно ясно видно, как «теория киевского наследства становилась все более совершенным оружием в руках русского правительства». ¹⁸

Московские власти вынуждены были заботиться не только об оправдании своего централизаторского курса, но и о том, чтобы противостоять растущей политической силе Литвы. О серьезности ситуации свидетельствовала попытка новгородского боярства пойти «под руку» литовского князя. Еще свежа была память о пролитовских настроениях в правящих кругах бывшего Тверского княжества. Росту авторитета Литвы способствовало и то, что в 1470 г. константинопольский патриарх утвердил литовского митрополита в сане «митрополита всея Руси», поставив тем самым под сомнение правомочия московского церковного владыки.

Правительству Ивана III важно было придать Москве такую притягательную силу, которая перевесила бы любое стремление уйти из-под ее власти. И вот в русле московской официальной идеологии начинают развиваться идеи, появлявшиеся до сих пор лишь в неофициальных памфлетах церковного происхождения.

В великокняжеский свод 1479 г. вошла статья «О Сидоре митрополите», использовавшая русские сочинения 1440—1460-х годов о Флорентийском соборе. В этой статье отчетливо выражена мысль о том, что Царьград утратил свое бывшее благочестие ¹⁹ и центр мирового православия переместился в Россию. ²⁰ Еще более четко проводится эта идея в своде

¹² ПСРЛ, т. XXVII, стр. 131.

¹³ Там же, стр. 130, 132.

¹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 253; т. XXV, стр. 309; т. XXVI, стр. 256.

¹⁵ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. М., 1957, стр. 89.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 265; т. XXV, стр. 322.

¹⁷ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 322.

¹⁸ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946, стр. 40.

¹⁹ См.: «Царь же и патриарх православия в прелести Латынских ересей впадошася, в сети злата для увязнувшие, погыбоша... Бога отлучишася и с Латиною съединишася» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 184; т. XXV, стр. 257).

²⁰ См.: «Въсточнии земли суть Русьстии болшее православие и вышшее христианство Белье Руси» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 178; т. XXV, стр. 254).